

Леонид Махлис
От Эльбруса до Скопуса

Я созерцаю Стену, у которой лицо моей матери
Эли Визель

Есть извечные музыкальные загадки, решать которые не стоит и пытаться; для отдельных людей музыка — благословение свыше, Божья благодать. На таком, примерно, умозаключении и сошлись журналисты и музыковеды после сенсационного концерта, который состоялся 5 ноября 1923 года в зале рижского Дома Черноголовых. На сцене стоял 9-летний курчавый мальчик болезненного вида с большой головой, не по возрасту грустными глазами, в черном бархатном костюме юного лорда Фонтлероя с кружевным жабо.

Так началась история одного из самых феноменальных и загадочных дарований XX века. Ни юный артист, ни пораженные меломаны тогда не подозревали, что чистый, сильный голос, недетский репертуар и уж совсем

© Leonid Machlis, 2011

© TSQ 35. Winter 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

детская интерпретация сложных вокальных произведений не только приносят ребенку европейскую славу вундеркинда, но со временем сделают его кумиром нескольких поколений любителей музыки во всем мире. Мальчишки звали Миша Александрович. В его судьбе все неповторимо. По убеждению ведущих американских музыковедов, история вокального искусства не знает precedентов ни такой глубины художественного проникновения голоса, ни сценического долголетия — 75 лет активной концертной деятельности. Его диски выходят под шапкой «Русский тенор-легенда». Но о легендах потомки узнают из книг. Первая биографическая книга о Михаиле Александровиче только что родилась. Ее автор — журналист и переводчик Леонид Махлис, который был тесно связан с певцом на протяжении последних 30 лет его жизни.

Книга «Священнослужитель от Искусства» (Шесть карьер Михаила Александровича) основана на богатом документальном и историческом материале, личных архивах и воспоминаниях певца и автора, на интервью, публикациях и архивных документах, собранных автором на пяти континентах.

Покинув в 1971 году СССР, Александрович в 57 лет фактически заново начал жизнь и карьеру. Для любого вокалиста это означало бы творческое самоубийство. О первых шагах артиста на Западе и рассказывается в главе «От Эльбруса до Скопуса», фрагмент из которой мы публикуем в этом номере.

По ту сторону добра и зла

Юный лорд Фонтлерой покидал свою родину, направляясь в
незнакомую страну своих предков.
Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт

1 ноября 1971 года семья Александровичей сошла с трапа «Боинга» авиакомпании «Эль-Аль», доставившего из Вены очередную партию репатриантов. В толпе встречающих знакомых лиц почти не было. Певец приехал в Израиль менее известным, чем его 23-летняя рижская племянница. В израильской газете промелькнуло сообщение: «Вчера в Израиль прибыл певец Михаил Александрович — дядя Рут»¹. «Ну вот, теперь и меня в Израиле знают», — огорчился Александрович. Чтобы подсластить «сионистскую» пилюлю, я сел писать о нем статью для другой газеты. Но это было излишне — уже через несколько недель слава сама его догнала, по иронии судьбы, не без участия все той же племянницы.

В Израиле Рут ждал подвенечный наряд, который справила невесте женская сионистская организация WIZO, и сюрприз, способный утолить самые необузданные амбиции. 15 ноября пышно украшенный государственными флагами и цветами зал приемов WIZO встречал гостей и в их числе — кабинет министров чуть ли не в полном составе. Длиннобородый раввин Иедидья Френкель напомнил присутствующим о мученическом пути молодоженов, который увенчался событием, символизирующим надежду для тех советских евреев, чьи взоры устремлены к Сиону. Вторую часть церемонии благословения провел, вернее, пропел «дядя Рут» Михаил Александрович. «Семь благословений» стали его первым обращением к синагогальному жанру за 25 лет, которые прошли с того памятного Судного дня — 4 октября 1946 года, который закончился знакомством с генералом МГБ и

¹ Рут Александрович была приговорена в СССР к году лишения свободы за сионистскую активность и прибыла в Израиль вскоре после освобождения — за несколько дней до приезда знаменитого дяди.

промывкой мозгов. В тот момент, когда невеста, поддерживаемая с одной стороны женихом, а с другой министром обороны, легендарным генералом Моше Даяном, уже танцевала «хору», к Александровичу подошла растроганная глава правительства Голда Меир и на *мамэ-лошн* с лукавой улыбкой произнесла:

— Ну, скажите после этого, что я не пророк. Разве не я напрогорила вам 20 лет назад, что вы еще будете петь в Израиле?

— А вы вспомните, что я вам ответил: «А вы еще будете главой правительства». Так кто из нас пророк?

Последние шаги по советской земле. Шереметьево, 29.10.1971

Когда этот обмен любезностями двух иудейских пророков закончился, я отвел Александровича в сторону и попросил рассказать подробнее о той давней и единственной встрече с Голдой Меир, первым израильским послом в Москве.

— Мне после этой встречи так упорно снилась по ночам ключая проволока, что долго не удавалось вспомнить, о чем мы говорили и кому я пожимал руки, — сказал он.

Страх не был беспочвенным. Сама Голда Меир не раз сокрушалась, что никто из советских евреев не решался вступать в контакт с работниками посольства. Александрович — единственный, кто весной 1949 года рискнул откликнуться на приглашение и явился на один из прощальных приемов, объявленных Голдой, которой предстояло вернуться домой и приступить к обязанностям министра труда. Александрович к тому времени уже 10-й год был обладателем советского паспорта, но адаптация явно

шла слабо. Вредная привычка к свободе то и дело давала о себе знать.

Первые шаги на земле Израиля.

Премьер-министр Израиля Г. Меир, главный кантор Тель-Авива Б. Унгар, М. Александрович, Рая Александрович и журналист А. Циммерман

В более спокойные времена Александровича часто приглашали в израильское посольство. На одном из таких приемов в 50-е годы некто как-то уж очень по-хозяйски, и не слишком считаясь с протоколом, хлопнул Александровича по плечу, расплескав содержимое своего бокала в аккурат на галстук артиста. Напугав Александровича кавалерийским наскоком, человек повис у него на плече и потащил в дальний угол комнаты:

— Слушай, артист, давай споем с тобой чего-нибудь.
— А что мы будем петь, Климент Ефремович?
— А ну хотя бы вот это, — сказал повеселевший вождь. И ни чуть не смущаясь, затянул «Дывлюсь я на нэбо» и жестами призывал стоявших поблизости то ли китайцев, то ли японцев последовать его примеру.

О своем последнем посещении израильского посольства в Москве Михаил Давидович вообще не рассказывал, и если бы не Рая, я никогда не узнал бы об этом эпизоде. На сей раз он обошелся вообще без всякого приглашения.

Июнь 1967 года. Советский МИД, раздраженный шестидневным блицкригом Израиля, только что объявил о разрыве дипломатических отношений с этой страной. Услышав сообщение, Александрович набрал номер посла Катриэля Каца и попросил о встрече. Он приехал с Раей, прихватив с собой пару коробок конфет для посольских детишек и цветы. В посольстве паковали вещи. Перед зданием собиралась толпа не слишком трезвых демонстрантов, мобилизованных и направляемых парторганизациями. Атмосфера эвакуационная. Времени в обрез. Многие сотрудники хорошо знали Александровича по концертам и приемам. Они неплохо ориентировались в репрессивной обстановке страны аккредитации и перед тем, как посетить его концерт, не забывали позвонить и поинтересоваться, не навредит ли ему их присутствие. В этих условиях жест Александровича трудно было переоценить. Люди расчувствовались, приостановили сборы, окружили гостей.

— Мы пришли попрощаться и поблагодарить вас. Нам будет вас не хватать. Когда-нибудь времена изменятся, — сказал Александрович на иврите.

«Мужество в три часа утра»

Времена изменились... 11 января 1972 года мэр Тель-Авива Йегошуа Рабинович устроил в муниципалитете на площади Царей Израиля торжественный прием в честь Александровича. 5 февраля Александрович согласился спеть концерт в престижном музыкальном салоне Мирьям Сегаль, израильской оперной певицы и вокального педагога. Он пел Шуберта и Доницетти, Шостаковича и испанские романсы, неаполитанский репертуар и русскую классику. По свежим следам первых шагов навстречу новой аудитории публицист Б. Уманский писал: «Филигранная отточенность фразировки, пленительная кантилена, задушевная лиричность, свежесть подачи, широкий вокальный диапазон, не принужденное изящество колоратуры и истинная артистичность — всем этим вновь блеснул певец, покорив и тех, кто слушал его впервые, и давних почитателей его таланта... Это певец-эстет, певец-педагог, обладающий даром формировать и оттачивать художественный вкус своих слушателей и доставлять под

линное наслаждение наиболее взыскательной аудитории»². Ему вторила рецензент газеты «Маарив» Уля Зильберман: «Его лирический, медоточивый, бархатный голос проникает в самое сердце... И конечно, он непревзойден в исполнении еврейских песен и литургических произведений, которые он не мог исполнять в СССР. Мы давно ждали такого лирического тенора в Израиле».³ А еще через неделю, 11 февраля, Александрович выступает с песнями гетто и поминальной молитвой «Эль молей рахамим» на церемонии в кибуце Лохамей Хагетаот, посвященной 29 годовщине восстания в Варшавском гетто. В церемонии принимает участие глава правительства Голда Меир.

И наконец, 6 марта в «Mann Auditorium» на 3000 мест тель-авивского «Эйхал Атарбут» — крупнейшем в то время концертном зале Израиля — при полном аншлаге состоялся первый концерт 57-летнего тенора Михаила Александровича. На афише надпись: «Под патронажем главы правительства Израиля Голды Меир». Сколько же их было в жизни Александровича — этих **первых** концертов?..

Это было не совсем обычное выступление. Это был концерт-исповедь, момент истины. И для певца, и для тех, кто пришел его слушать. Зал «Mann Auditorium» повидал немало мировых звезд. Но *ватики*⁴ рассказывали, что такого приема они не помнят. В зале присутствовало много новых репатриантов, первых ласточек долгожданного Исхода, которые еще до конца не осознавали значение наступивших в их жизни перемен. Появление Александровича на сцене зал приветствовал стоя.

После 15 минут оваций мной овладело чувство, что даже если бы Александрович в этот момент покинул зал, не спев ни одной песни, люди все равно разошлись бы по домам удовлетворенные — они увидели любимого артиста здесь, в Израиле — значит, и они не зря так много поставили на карту. Его приветствовали как духовного лидера. Трудно было избавиться от ощущения, что и артист и его слушатели готовились к этому моменту всю свою жизнь. Зал задерживал дыхание, чтобы не нарушить

² Б. Уманский. «Слушая Михаила Александровича», «Трибуна», 7 февраля 1972.

³ У. Зильберман. «Бархатный голос Александровича», «Маарив», 15 февраля 1972.

⁴ Старожилы (*ивр.*)

им торжественности каждого прожитого мгновения. А те, кто впервые встретился с артистом, недоумевали по поводу такого приема. Но недолго — пока Александрович не запел.

Он начал грустной колыбельной «для взрослых» «*Лег дайн коп ойф майне кни*» Бирнова на слова Лейвика:

Опусти голову на мои колени —
И тебе станет легко.
Это дети засыпают сами,
А взрослых надо убаюкивать.

У детишек игрушки,
Они играют, когда им охота.
А взрослые играют сами с собой
И должны это делать беспрестанно.

Не волнуйся, я с тобой,
Я тебя не покину,
Ты уже сегодня вдоволь наплакался,
Как и положено взрослому.

Ты наплакался, нарыдался,
А теперь я тебя покачаю...
Опусти голову на мои колени —
И тебе станет легко.⁵

Едва прозвучала последняя нота, как зал взорвался и запульсировал, из чего можно было заключить, что публика получила то, чего больше всего в этот момент желала. И Александрович при его опыте и тонком исполнительском чутье это знал. Но по чему именно колыбельная? Ведь есть куда более эффектные и более популярные произведения.

В еврейской песенной традиции колыбельная — это поиск утешения не столько для ребенка, сколько для родителя, обеспокоенного будущей судьбой своего потомства перед лицом некончающихся опасностей. В прежние годы многие советские исполнители еврейских песен были озабочены поисками дозволенных средств отражения еврейского сознания или еврейской истории в музыке. Ведь, запретив *хазанут*, власти тем самым наложили запрет на еврейские слезы. В репертуаре певца около 30 колыбельных — от «Спи, мой бэби» американца Клатсэма до Гречанинова

⁵ Перевод автора.

на стихи Лермонтова, от неаполитанской до колыбельной Т. Хренникова из оперы «В Бурю». Но только две из них украшали едва ли не все концерты Александровича на протяжении 50 послевоенных лет — «Янкеле» Гебиртига и колыбельная Бирнова, в которой Александрович ценил не только тонкий музыкальный рисунок и задушевность, но и гармоничное взаимодействие эмоционального и интеллектуального потенциалов. Перевод этой песни на немецкий был обнаружен в альбоме Зельмы Меербаум-Айзингер (1924—1942) — черновицкой Анны Франк. Девочка писала стихи, обращенные к своему возлюбленному, с которым ей уже не суждено было встретиться. Ее жизнь на восемнадцатом году оборвалась в концлагере Михайловка на Буковине.

O lege, Geliebter,
den Kopf in die Hände
und höre, ich sing' dir ein Lied.
Ich sing' dir von Weh und von Tod und vom Ende,
ich sing' dir vom Glücke, das schied.

К ладоням моим головою приникни
И вслушайся в песню мою
О боли и смерти, о мысли последней,
О счастье былом я спою.

Об авторах второй песни, прозвучавшей в этом концерте, изумительной «*А лиделе ин идиш*» сведения противоречивы. Считается, что мелодия восходит к молдавскому свадебному фольклору. Известно, что ее пели во время войны в литовских гетто беженцы из Польши, и называлась она «Еврейское танго». Что же касается ее современной формы (на слова Иосифа Котляра), то произведение признано одной из самых выразительных песен о мире. Чтобы усыпить бдительность цензуры и сделать песню «проходной», Александрович в прежние годы включал ее в программы под названием «Песня о мире».

Все первое отделение Александрович пел на идише в сопровождении симфонического оркестра под управлением Ицхака Грациани. И уже одно это было необычным. Все тридцать лет в СССР его еврейский репертуар строго дозировался. После 20 произведений разных жанров в концерте ему разрешалось исполнить 1—2 песни на идише. Но и это подчас приходилось делать украдкой, в качестве бисовых номеров.

Первым израильским произведением, исполненным Александровичем, стала песня «Гар Ацофим» («Гора Скопус») на слова известного поэта Авидора Амейри (1890—1970), музыка пришла из культуры на идише и обработана М. Раппапортом.

С вершины горы Скопус
Я склонюсь к твоему подножью.
С вершины горы Скопус
Да снизойдет на тебя мир, о, Иерушалаим.
Сотни веков я грезил тобой,
Чтобы твоими лучами осушить мои слезы.
Иерушалаим, Иерушалаим!
Освети мне лицо — я твой сын.
Иерушалаим, Иерушалаим!
Я подниму тебя из руин.⁶

Греческое слово «скопус» (на иврите «ацофим») переводится как «наблюдатели». Это странное, на первый взгляд, название — гора Наблюдателей — вместило в себя самые роковые для еврейской истории события. Отсюда наблюдали город перед его захватом римские легионы Тита, ту же тактику применили крестоносцы в 1099 году и британские войска в 1917. Во время Войны за независимость арабы захватили эти стратегические высоты, но им, в отличие от воинственных предшественников, не удалось воспользоваться выгодным плацдармом для захвата Иерусалима. В ходе Шестидневной войны, когда был отвоеван Восточный Иерусалим, гора Скопус и расположенные на ней больница и Еврейский университет вернулись в руки евреев.

В интерпретации Александровича эта музыка обрела новую жизнь, она была встречена с таким энтузиазмом, что публике пришлось успокаивать.

Уникальная способность Александровича отыскивать и обрабатывать малоизвестные музыкальные шедевры снова дала о себе знать в следующей песне, гимне мирной жизни — «Ло тейда милхама» («Тебе не знать больше войн»). В отличие от других чарующих песен Шестидневной войны, это произведение было незаслуженно забыто. Сегодня даже трудно установить ее авторов (разные источники называют разные имена). В результате довольно хлопотного расследования, в котором мне помогали и

⁶ Перевод автора.

Нехама Лифшиц, и сотрудники библиотеки музыкального центра им. Фелиции Блюменталь в Тель-Авиве, только в 2006 году мне удалось установить и разыскать автора слов, израильскую поэтессу Тельму Альягон, но оказалось, что она знает о композиторе еще меньше меня, а если точнее — вообще ничего: «Мне принесли аудиокассету с музыкой и предложили сочинить к ней текст. Музыка была волшебной, но я даже не знаю, кто ее исполнял. Александрович? *Безмет?!⁷*». Неудивительно, что и Александрович понятия не имел, чью музыку он не просто исполнял, а активно пропагандировал, включал чуть ли не во все концертные программы по всему миру. Но сегодня, слушая эти восхитительные звуки, я невольно задаюсь вопросом — сохранил бы певец столь трепетное отношение к этому произведению, если бы он узнал, что музыка эта написана никому не известным итальянским композитором Умберто Конгиниелло, который не имел ни малейшего представления ни об Израиле, ни об израильянах с их вечной мечтой о мире и покое, зато все знал о музыкальных вкусах продюсеров итальянских порнофильмов. Для одного из таких фильмов и была написана эта музыка. А стал бы Александрович исполнять «Новую любовь — новую жизнь» Бетховена (Op. 75, № 2) на слова Гете, если бы знал, что переводчик песни Даниил Копелянский успешно совмещал литературную деятельность с основной профессией: в качестве оперуполномоченного 3 Главного управления МГБ СССР подполковник Копелянский допрашивал в Лефортовской тюрьме Рауля Валленберга. Мой ответ — утвердительный. Александрович не фиксировал внимания на мелочах. Он ощущал, что музыка самодостаточна, и ее не обязательно подпирать громкими или незапятнанными именами. Он отыскивал малоизвестных композиторов и делал их знаменитыми. Перефразируя И. Фихте (кстати, выпустившего свою первую работу неподписанной), можно сказать, что музыка должна сама себя выражать, пользуясь автором и исполнителем лишь как своим *органом*.

Но при всем эмоциональном напряжении концерт в Тель-Авиве не стал этноцентрической или патриотической манифестацией. Слишком много боли накопилось за этими эмоциями. И конечно же, не последнюю роль сыграли безукоризненный

⁷ В самом деле? (*ивр.*)

вкус Александровича, тонкое чувство композиции концерта в целом, его владение аудиторией, если хотите, дар лидера. Это была демонстрация в первую очередь превосходной певческой формы и готовности к началу новой карьеры, что само по себе, для тенора в возрасте 57 лет нужно рассматривать как редкое мужество на грани творческого самоубийства. Не импульсивное мужество героя-любownika, беспомощно размахивающего кинжалом, и не безоглядная отвага гусара, сорвавшего куш в русскую рулетку, а мужество полководца, свободное от иллюзий, упорство вопреки разочарованиям, упущенным возможностям и подкарауливающим за холмом опасностям, то, что Наполеон называл «мужеством в три часа утра». Канторскую часть концерта Александрович открыл собственной литургической композицией «Ана авда декудша» («Я слуга Господень...») — 2-й части молитвы «*Брих Шмей*» («Да будет благословенно Твое Имя»), которая сопровождает извлечение свитка Торы из ковчега. И этот номер оказался сплошь наполненным символическим смыслом. Во-первых, «*Брих Шмей*» символизировала для Александровича возвращение к *хазануту* — литургическим песнопениям как неотъемлемой части концертных программ. И возвращение это произошло плавно и естественно. Во-вторых... Здесь необходимо еще одно небольшое интермеццо, возвращающее нас к началу главы, то есть на 4 месяца назад в хронологии повествования, а затем еще дальше — лет эдак на 35.

Об этом и поговорим в антракте первого израильского концерта Михаила Александровича.

Антракт

И будет он, как дерево, посаженное при истоках вод,
которое приносит плод свой во время свое,
и лист которого не вянет...»
(Псалтирь, 1:3)

Не успели Александровичи втащить чемоданы в их первое израильское жилище в центре абсорбции новых репатриантов «Бейт Мильман» на улице Рабиндраната Тагора в северном Тель-Авиве, как на пороге появились и первые гости — главный кантор Тель-Авива Бениамин Унгар, молодой кантор из Лондона

Йосеф Маловани и журналист-музыковед, знаток и собиратель *хазанута* Акива Циммерман, проведавшие о прибытии в страну знаменитого певца. Александрович усадил гостей и поинтересовался, откуда им известно о его канторском прошлом. Тогда Акива Циммерман с загадочной улыбкой извлек из «дипломата» старинную пластинку и положил ее перед изумленным певцом. На пластинке по-французски были напечатаны названия двух канторальных композиций («В'хен йехи роцон» и «Брих шмей») и имя Александровича.

— Я сплю или это явь? — произнес Александрович. — Я приехал в Израиль, где мое творчество никому не известно, и первый израильтянин, с которым я знаколюсь, — молодой человек, приносит первую в моей жизни пластинку, записанную при случайных обстоятельствах в Париже, быть может, единственный сохранившийся экземпляр. Вы волшебник?

— Нет, я коллекционер, — заулыбался гость, довольный про изведенным эффектом.

— Во время моей работы в Центральной синагоге Манчестера я часто навещал Прибалтику. Однажды — мне было тогда года 22 — я по пути задержался на несколько дней в Париже, где мне предложили записать пластинку с *хазанутом*. Жизнь сложилась так, что я и об этой записи забыл, и пластинку никогда в руках не держал.⁸

* * *

После подколесинского кульбита в Манчестере Миша направился во Францию, чтобы освежить парижские контакты и встретиться с местными музыкантами. Еще в 1935 году он сблизился здесь с Леоном Альгази⁹, высокообразованным дирижером из Вены, преподавателем *хазанута* и руководителем хоровой капеллы знаменитой синагоги на Rue de la Victoire. Леон представил Александровичу своего ближайшего друга, кантора и компози

⁸ Почему Александрович не предложил гостю продать ему эту реликвию, можно лишь гадать. Скорей всего, он боялся, что коллекционер загнет неподъемную для бедного *оле* (новоприбывший — *ивр.*) цену. В мае 2008 г. на такое предложение «рискнул» автор, после чего пластинка «V'chen Yehi Rotzon/Brich Schemé» фирмы «Rinaphone» сменила владельца.

⁹ Léon (Jehudah) Algazi (1890—1971).

тора Йозефа Блумберга, с которым его теперь связывали и партнерские отношения.

Обладатель лирического баритона, Йозеф Блумберг¹⁰ родился в польском Белостоке. В 1922 г. он уехал в Палестину как *халуц* (пионер-колонист), где работал на строительстве дорог и на промышленных предприятиях. Позднее переехал в Тель-Авив и начал брать уроки вокала у Буси Боровского. Короткое время участвовал в постановках Тель-Авивской оперы. В начале 1930 г. он перебрался в Париж для совершенствования вокального образования. 15 апреля 1930 г. Блумберг уже участвовал в фестивале еврейской музыки в концертном зале Maison Gaveau. В 33 г. Блумберг совместно с Леоном Альгази в качестве музыкального консультанта основал фирму грамзаписи «Rinaphone»¹¹ (Le Disque de l'Orient). Поначалу записи производились в его квартире на Rue de Vert Bois, которая примыкала к заднему входу в синагогу на Rue de Notre Dame de Nazareth. Позднее он стал записывать музыку уже в сопровождении органа и хора в помещении самой синагоги.

Уговорив Мишу задержаться в Париже для записи его первого коммерческого диска, Леон и Йозеф тут же предложили ему в качестве аккомпаниатора еще одного иммигранта, чье имя было в те дни у всех на слуху. Композитор, пианист, музыкальный педагог и бывший одессит Владимир Дик жил на avenue de Breteuil, 79. Он приехал во Францию еще в 1899 году. Его учителями по Парижской консерватории были Антуан Тоду (тональная гармония), Поль Видадь (музыкальное сопровождение) и Шарль-Мари Видор (композиция). Но очень скоро его известность как музыкального педагога перекроет авторитет его собственных учителей, а среди многочисленных учеников Дика засветятся имена сильных мира сего — жены президента Франции Анриетты Пуанкаре, обеих жен премьер-министра Жозефа Кайо — Анриетты и Сюзанны, и др.

Дик писал оперы, произведения для фортепиано и песни. В числе прочего, ему принадлежит обработка будущего гимна Израиля «Атиква» и музыка к кинофильмам, которые он подписывал псевдонимом *Dri Mival*. В 1943 г. Дик вместе с женой и до

¹⁰ Йозеф Блумберг (4.1.1904 — 29.7.1973) известен также под псевдонимом Бен-Аба.

¹¹ Название образовано от ивритского *рина* (радость).

черью был арестован гестапо. 30 июля депортирован в Освенцим, где через несколько дней был убит.

Альгази пережил Катастрофу и в 1961 году был назначен музыкальным директором всех синагог парижской консистории. Блумберг как гражданин подмандатной Палестины находился под защитой британской короны. Когда немцы вторглись во Францию, Блумберг был интернирован и в числе нескольких тысяч британских и американских граждан отправлен на принудительные работы. Он умер 29 июля 1973 г. в Израиле.

В начале 60-х кантор Блумберг подарил пластинку коллекции оперу Акиве Циммерману со словами:

— Вы должны услышать этот восхитительный голос. К сожалению, я ничего не знаю о судьбе этого кантора, с которым я перед войной встретился в Париже. Подозреваю худшее.

Послушав, Акива начал спрашивать об Александровиче всех знакомых певцов. Но никто не знал этого имени. Познакомившись с Моше Кусевичким во время его гастролей в Израиле, Акива взял на себя роль его телохранителя, сопровождая певца по всей стране. Когда он показал ему пластинку «*Le Disque de l'Orient*», Кусевичкий закричал:

— Так это же мой Миша!! Это же мой друг! Я пел с ним в Ковно!

Основанная двумя парижскими музыкантами маленькая граммофонная фирма оставила, однако, в истории еврейской музыкальной жизни заметный след, столь незаменимый для нашего исследования.¹²

* * *

Через несколько месяцев после приезда в Израиль одна за другой выйдут 4 пластинки Александровича. На одной из них —

¹² Сведениями о музыкантах, связанных с фирмой «Rinaphone», автор в значительной мере обязан немецкому коллекционеру, соавтору бесценной книги '*Vorbei/Beyond Recall*' («Невозвратимое»), „Bear Family Records“, Hambergen, 2002, д-ру Райнеру Лотцу и английскому переводчику Майклу Эйлворду. Выпуск серии пластинок фирмы «Rinaphone», в которую входит «*Le Disque de l'Orient*», в книге ошибочно датирован 1933—34 гг. На пластинке Александровича указано «Оберкантор из Каунаса», следовательно она не могла быть выпущена раньше марта 1937 г., когда певец подписал контракт с «Охэль Яааков».

«Древо жизни» — будут воспроизведены уникальные записи да лекого 1937 года, а ценители вокала получат не менее уникальную возможность сравнить звучание голоса Александровича в возрасте 22 и 58 лет. Их впечатления впоследствии дадут повод музыковедам заговорить еще об одном феномене природы и эффективности исполнительского метода певца.

* * *

— Но вы не думайте, что мы пришли к вам только для того, чтобы мой друг похвастался своей коллекцией пластинок, — вступил в разговор скромно помалкивавший до поры Бениамин Унгар. — У нас припасен для вас еще один подарок. В одной из наших крупнейших синагог освободилось место главного кантора. Мне поручено предложить вам эту должность.

7 января 1972 года в Большой синагоге Рамат-Гана началось субботнее богослужение, которое вел единственный в истории кантор-лауреат Сталинской премии.

* * *

Но вернемся в теплый тель-авивский концертный зал, где уже звучат романсы Шереметьева и Глинки на стихи Пушкина. Пройдет совсем немного времени, и эти и другие камерные произведения русских композиторов в незабываемом исполнении Александровича прокатятся по нескольким континентам. Первый сольный диск, записанный Александровичем в Америке, — «Рандеву» — будет целиком посвящен русскому классическому романсу. Как и в первом израильском концерте Александровича, отныне слова еврейской молитвы в каждом выступлении певца будут соседствовать и перекликаться с пушкинской поэзией. И никакой *репертком* уже не сможет этому помешать.

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Поэт считал эти две формы самовыражения равноценными. Звуки в молитве святы, как сама молитва. Молитва без звуков не может стать искусством. Но и „сладкие звуки“ без чистоты чувства, достигаемой в молитве, тоже.

Придет час, и эти пушкинские строки будут выбиты на мраморном камне артиста-легенды. На иврите.

Из своего необъятного оперного репертуара (более 80 арий) Александрович выбрал для первого концерта едва ли не самое трудное произведение — серенаду Эрнесто из оперы «Дон Паскуале» Доницетти. Учитель Александровича Беньямино Джильи предостерегал теноров, которые не достигли вокального совершенства, советуя держаться подальше от опер Доницетти. А успех после исполнения Доницетти, считал он, — «величайший триумф для певца». Осенью того же года после первого выступления в Канаде эксперты захлебнутся от восторга, в буквальном смысле, не находя слов. Один из них напишет: «Не часто случается, что, вернувшись домой после музыкального события, я хватаюсь за словарь синонимов, чтобы просмотреть список определений в превосходной степени, но именно такой была моя реакция на вчерашний исключительный концерт Миши Александровича в монреальском театре «Maisonneuve»... Он исполнил только два произведения по-итальянски — арию Страделлы и арию из «Дон Паскуале» Доницетти. В обеих ариях он напомнил Тито Скипа на пике славы. То же ощущение полной адекватности, та же точность фразировки... Какая артистичность! Какой вкус! Какой концерт!»¹³

Еще через пару месяцев после тель-авивского концерта в том же зале проходил всемирный фестиваль мастеров канторского искусства. Программа фестиваля была составлена загодя, и Александровича пригласили участвовать в нем вне конкурса. То, что я услышал, не просто пересказать. Его номер прозвучал после выступлений прославленных звезд *хазанута*. Он исполнил собственную композицию на слова известной молитвы. Мне казалось, что плакали все. Под овации зала участники фестиваля вышли на сцену, чтобы выразить свое восхищение, и уже не покидали ее до самого конца выступления. Забыв об атмосфере конкуренции, в которой начался фестиваль, они уступили Александровичу лавры и объявили его королем *хазанута*. Такого признания в свое время был удостоен только один человек — Гершон Сирота, которого считали одной из последних звезд «золотого века» канторского искусства.

¹³ Джейкоб Зискинд, "The Gazette", Монреаль, 27 ноября 1972 г.

Мизрахон¹⁴ в Рамат-Гане

Спасая себя и свое искусство от нацистов, Михаил Александрович бежал на восток. Блюстители идеологической гигиены будут строго следить за тем, чтобы этот иностранец не протасил в массы националистическую и религиозную крамолу. После 30 лет кнутов и пряников, колеса истории развернули его на 180 градусов. Его уникальный талант обретает новую жизнь. На этот раз — в ущерб светской музыке. Так, на одном крыле Александрович парит в искусстве, не теряя высоты полета и не позволяя встречному ветру снизить его стремительность. Рецензент аргентинской газеты, впечатленный нетривиальной судьбой и мастерством певца, десятилетиями прятавшего от чужих недобрых глаз доставшуюся ему святыню — талант кантора, вернувшись домой после концерта, напишет: «...Эта редкая певчая птица... вырвавшись из стальной клетки, поднялась в небеса... и так высоко увлекла за собой слушателей, что над таким концертом следовало бы произнести благословение».¹⁵

Получив почетную и хорошо оплачиваемую (по местным понятиям) должность главного кантора в синагоге Рамат-Гана, Александрович, как и в пору своей манчестерско-ковенской юности, очень быстро вновь начал испытывать неудовлетворенность из-за косности, низкой культуры, религиозного эгоизма и словенной подозрительности ортодоксального истеблишмента к «побочным» интересам кантора. Разумеется, здесь никому не приходило в голову контролировать концертную активность певца и его передвижения по городам мира в свободное от службы время. Но раздражение накапливалось. Светские гастролы выводят кантора из поля зрения прихожан. И вообще голос кантора должен принадлежать конгрегации и никому больше.

Два года, которые Александрович провел в стенах синагоги в Израиле, певец постоянно ощущал на себе не слишком скромное внимание к его частной жизни со стороны коллег. Некоторые канторы, уподобляясь извозчику Шаляпина («Я спрашиваю — чего работаешь? А ты — пою!»), интересовались «основ

¹⁴ Почетное место, восточная стена модельного зала (*ивр.*).

¹⁵ М. Рейцес. «Концерт Миши Александровича — источник наслаждения и духовного подъема». «Ди Прессе» (на идише), Буэнос-Айрес, 25 марта 1981.

ной» профессией коллеги. А почему, собственно, кантору не иметь побочных интересов? Разве карьера американского певца и кантора д-ра Ирвина Джелмена — ученика Александровича — помешала ему стать крупным ученым, профессором и завкафедрой генетики раковых заболеваний Института онкологии Roswell Park в Баффало (шт. Нью-Йорк)?

Миша знал, что «агенты» зорко следят за соблюдением шаббата. Грубейшее нарушение — пользование транспортом. Но добраться до Рамат-Гана пешком — дело нешуточное. Решение было найдено. В пятницу, до захода солнца Илона отвозила отца к приятелю Калману Кагану, жившему в нескольких минутах ходьбы от синагоги, и приезжала за ним на исходе субботы. Но раввины и члены общины любили захаживать в гости на огонек даже без приглашений. Они попивали чаек, слушали увлекательные байки радушного хозяина, но не упускали случая заглянуть в холодильник или кухонный шкаф, дабы удостовериться в том, что их чересчур популярный кантор безукоризненно соблюдает религиозные предписания по части кашрута. Одна из инспекций произошла уже на следующий день после подписания контракта с синагогой и едва не закончилась скандалом. Школьный приятель и «секулярный советник» Александровича Борис Гуткин, человек эксцентричный и не испытывавший особых сантиментов в отношении еврейских традиций, ввалился к Александровичам с целым окороком подмышкой в качестве «подарка». Дружок прекрасно знал, что свинина в доме не водится, но удержаться от эпатажа оказался не в силах. Ситуация усугублялась тем, что Миша с минуты на минуту ждал визита своего нового знакомого, журналиста ортодоксальной газеты правой ориентации «Хацофэ» Акивы Циммермана. К счастью, при передаче «дара» в доме находилась Илона, которую Александрович попросил немедленно удалить «хазир» куда угодно, хоть на помойку, но подальше от дома, чтобы даже ищейки не унюхали. Через полчаса бесценная закуска перекочевала в гостиницу для новых репатриантов в Старой Яффе, вызвав веселое возбуждение друзей Илоны, — свинина была недешевым удовольствием.

Александрович изо всех сил старался направить изобретательность Гуткина в более конструктивное русло. Он попросил его разыскать общих соучеников и друзей детства, в разное время добравшихся до Палестины. Особенно его заботила судьба Нехе

мьи Немотина, с которым Миша когда-то сидел за одной партой. Задача непростая, но Нехемия оказался не иголкой в стоге израильского сена, а шилом в мешке. Всего несколько часов понадобилось Гуткину, чтобы принести Мише неутешительную «новость». Жизнь Нехемии трагически оборвалась в 43 года. К этому времени он стал секретарем Бен-Гуриона по военным делам, а фактически адъютантом, правой рукой, советником и близким другом первого главы правительства Израиля и одним из популярнейших деятелей военного истеблишмента. После покушения на Бен-Гуриона в октябре 1957 года Нехемия Немотин (Аргов) пришел в отчаяние из-за того, что его не оказалось рядом со «стариком» в минуту опасности. Нервному срыву способствовали дополнительные обстоятельства. Мчась на машине в больницу к раненному Бен-Гуриону, Нехемия сбил велосипедиста, чем пиона Израиля и отца четверых детей. И наконец, выйдя из палаты Бен-Гуриона, от шефа израильской контрразведки Хареля Нехемия узнал, что работающая в Израиле по контракту турецкая певица, с которой у Аргова бурный роман, — советская шпионка. Не многовато ли сюрпризов для одного часа? Не выходя из здания больницы, Аргов выстрелил себе в висок. От Бен-Гуриона близкие как могли долго скрывали факт самоубийства его друга. Им даже удалось договориться с редакцией газеты «Давар», чтения которой премьер обычно начинал день, и на следующее утро ему был доставлен отпечатанный в единственном экземпляре номер газеты без упоминания о трагедии.

Еврейский Санта Клаус

«Четвертая карьера», как и первые три, началась тоже стихийно. Израильские газетчики больше тяготели к политической подоплеке явления, чем к культурной. Да и здесь стреляли мимо цели («дядя Рут Александрович»). Несколько лет спустя, живущему уже в Америке Александровичу из-за одной статьи даже придется войти в клинч с газетой «Гаарец», который завершится публикацией ее публичного извинения. В первые годы иммиграции политически ангажированные журналисты тянули из него подробности его «диссидентской активности» и требовали story — о том, как он ступил на опасную тропу героической

борьбы с всемогущей Властью. Но Александрович — непревзойденный мастер снимать чрезмерный пафос, как пену с варенья. В ответ им приходилось довольствоваться любимой репризой о прогулочном судне, угодившем в непогоду. Штормовой волной смыло в морскую пучину женщину, но никто из толпившихся на палубе туристов не решался придти ей на помощь. В тот момент, когда трагическая развязка казалась неминуемой, какой-то человек сиганул в воду. Женщина вцепилась в спасателя. Кто-то догадался бросить круг. Когда их подняли, наконец, на борт, все увидели, что героем был невзрачный еврей отнюдь не богатырского сложения, который все время озирался по сторонам, отыскивая кого-то глазами в толпе восхищенных его мужеством пассажиров. Капитан судна долго тряс руку, повторяя: «Вы настоящий мужчина, вы подлинный герой. Как вы отважились на такой подвиг?». «Может быть, я и герой, — пробормотал мужчина, — но мне хотелось бы взглянуть на того негодяя, который столкнул меня в воду».

Словом, никакой раскрутки имиджа. Да и какой менеджер станет инвестировать в 57-летнего исполнителя? Их решимости хватало лишь на то, чтобы сорвать быстрый куш и обогнать неопытного в западной менеджерской кухне гения.

И все же важно, оказывается, встретить в нужное время в нужном месте нужного человека.

* * *

Король нью-йоркских многоэтажных парковочных билдингов Эйбрахам Гиршфельд не впечатлял ни экстерьером (этот тип еврейской внешности Александрович называл «мечтой Геббельса»), ни познаниями в музыке, ни глубиной суждений (кроме суждений о глубине своих гаражей в Манхэттэне, которых насчитывалось больше 50). До конца жизни Гиршфельд утверждал, что именно ему принадлежит сама концепция этих сооружений, которую он защищал при помощи девиза «Автомобилю на сморк не грозит».

Появление «честняги Эйба» субботним утром в синагоге возбуждало рамаат-ганских евреев. Его усадили на почетное место вблизи ковчега завета, а прихожане перешептывались, прикидывая на глазок его сказочное богатство. Сам Гиршфельд на вопро

сы журналистов о его состоянии «скромно» рапортовал: «больше 10 миллионов». И лукавства в этом не было. После молитвы президент конгрегации подвел важного гостя к кантору.

— Мистер Гиршфельд, перед вами человек, который вошел в историю: Миша Александрович единственный в мире хазан, которого Сталин наградил премией своего имени.

— Неужели сам Сталин? Он, должно быть, не хуже меня знал толк в хазануте, — ответил Гиршфельд с присущей ему от рождения скромностью. Когда они остались наедине, король автостоянок продолжал: — С такой биографией и с таким голосом вы прозябаете в Рамат-Гане? Я всегда говорил, что мир полон несправедливости. Кстати, сколько вам заплатил Сталин?

— 50 тысяч рублей.

— А что платят вам эти *рабат-ганеф*¹⁶?

— 24 тысячи долларов в год.

— У меня есть для вас поучительная история. Польский еврей приехал в Америку и бросился разыскивать своего старого друга, которого не видел 30 лет. Он остановил в Бруклине еврея-прохожего и спросил: «не знаете ли вы, где мне найти Менделя Шапиро? Я слышал, что он — известный хазан». «— Мендель Шапиро? Как же, как же, это тот самый кантор, который все время хрипит и сбивается на каждом слове, от его пения мухи дохнут. Он поет в синагоге «Врата Сиона». Это недалеко. Пройдете два квартала, повернете налево, а через три квартала — направо, там спросите». — Дойдя до указанного места, еврей остановил другого прохожего с тем же вопросом.

«— Мендель Шапиро? Да кто же не знает этого мошенника? Он же приторговывает ворованными украшениями. За мостом поверните направо и пройдите полтора квартала».

Зайдя в синагогу, еврей в вестибюле увидел человека, который был похож на разыскиваемого друга. «— Извините, вы, должно быть, хазан Шапиро?».

— Что? — возмутился тот. — Этот гнусный скопидом, Мендель Шапиро, который морит голодом жену и детей в то время, как сам купается в роскоши сомнительного происхождения? Вон он, видите, пытается соблазнить дочку бедного сапожника Грин блага.

¹⁶ Игра слов: Рамат-Ган (восточный район Тель-Авива) + *ганеф* (грабитель — *идиш*).

Когда друзья, наконец, встретились, приезжий поинтересовался:

— Скажи, Мендель, что тебя держит в этой синагоге? Неужели деньги?

— Деньги? — рассмеялся Шапиро. — Ты с ума сошел. Мне не платят ни цента.

— Тогда ради чего ты так стараешься?

— Как «ради чего»? — расправил грудь кантор. — Ради чего-то, конечно.

— Мне кажется, что вас тоже пригласили на службу ради почета, — продолжал Эйб. — Я гарантирую вам 50 тысяч долларов за три месяца гастролей в Америке, если вы согласитесь на мое предложение. Что вы на это скажете? — Честняга Эйб заправил выбившийся из-под пиджака белый галстук, расчерченный красными клетками кроссворда, и, в предвкушении произведенного эффекта, потянулся, было, в карман за сигарой, но во-время спохватился — суббота как-никак.

— У меня тоже есть для вас поучительная история, — ответил кантор. — Мне ее рассказал до войны мой друг Моше Кусевичкий. — После того, как он закончил утреннюю молитву в Варшаве, к нему подошел богатый прихожанин и спросил не без сарказма: «Я полагаю, что во время молитвы вы просили Бога о чем-то конкретном?» — «Разумеется, — ответил он. — Я просил Всевышнего, чтобы богатые давали больше денег бедным». — «И вы думаете, что Он услышал вашу молитву?» — «Я абсолютно уверен в этом. Он услышал, по меньшей мере, половину моей молитвы: бедные уже дали свое согласие на повышение».

— Слушай, Миша, мне кажется, нам есть, о чем поговорить. — Эйб бесцеремонно перешел на ты, что должно было символизировать конец классовым разногласиям. — Приходи сегодня в *моцей шаббат*¹⁷ в отель «Дан». Поужинаем и заодно обсудим детали моего предложения.

В ресторане гостиницы Эйб предстал перед Александровичем во всей своей заморской красе. В алом пиджаке в крупную клетку и с черной бабочкой он напоминал распутившийся мак. Но главное — здесь можно было безнаказанно пыхтеть сигарой. Гиршфельд повсюду чувствовал себя хозяином, повсюду, кроме

¹⁷ Исход субботы (*ивр.*).

собственных владений. В Нью-Йорке из-за этих дурацких сигар его однажды выдворили из принадлежавшего ему отеля «Пенсильвания» за нарушение правил противопожарной безопасности.

— В этой стране легче пристрелить президента, чем снять штаны в собственном доме, — сетовал Эйб.

— Как вы попали в нашу синагогу? — поинтересовался кантор.

— В «вашу»? Я связан с этой синагогой много лет. Я ведь жил до 1950 года недалеко отсюда — в Бней-Браке и даже был избран заместителем мэра Бней-Брака. Это было еще в 46 году. Люди меня все время спрашивают: «Эйб, ты же не веришь ни в Бога, ни в дьявола. Чем ты занимаешься каждую субботу в синагоге?». И я не могу сказать им правду. Но тебе скажу. Меня считают всеильным. И я был бы всеильным, если бы мог побороть в себе дурную привычку грызть ногти. Это единственное, что мне от Него надо и о чем я молюсь. Я верю в Бога, но Бога нет! Каждый сам себе бог. Если бы у Бога была на плечах голова, он взял бы меня на службу в небесную канцелярию. На этой службе я, прежде всего, переписал бы все заповеди. Первой я поставил бы «Не ленись». Мир наполнен бездельниками, которые называют себя менеджерами, политиками, докторами, инженерами. Всем, чего я достиг со своими пятью классами, я обязан самому себе и никому больше. Ты знаешь, с чего я начал, когда приехал в Палестину в 34 году? Я нанялся работать за почасовую оплату в *пардесе* на поливке апельсиновых деревьев. Через неделю я пришел к хозяину с предложением: «Я поливаю за день столько-то деревьев. Если ты будешь платить мне сдельно, за каждое дерево, я согласен работать у тебя за полцены». Он удивился, но принял мое предложение. Я купил хромоногую ослика, которого навьючил 4 галлонами воды. Теперь я мог обработать в шесть раз больше деревьев, а мой заработок возрос в три раза.

Вслушиваясь в этот поток сознания, Александрович вдруг повеселел, ощутил себя зрителем необычного *talkshow*. Раскрепощенность этого клетчатого существа граничила с подлинным артистизмом. С одинаковым самозабвением Эйб эпатировал и слушательского знакомого, и широкую американскую общественность, которая, как и сейчас Александрович, находила в этом свой

кайф, а подчас даже платила полноценной монетой признания, в котором так нуждался «честняга Эйб».

Что-то мешало ему довольствоваться строительством своей гаражной империи. Это «что-то» — жажда популярности, которую не мог удовлетворить гаражный бизнес даже такого размаха. Простительная слабость, которая дала о себе знать, вероятно, после 11-го миллиона, когда стало ясно, что не в деньгах счастье. Приятно, черт побери, когда твое имя красуется не только в налоговых отчетах и судебных повестках, но и на страницах НЙТ и в теленовостях. На худой конец, в объявлениях о концертах и шоу, организованных его агентством.

Впрочем, Александровича эти мелочи не касались, равно как и эстетические воззрения филантропа. По крайней мере, до тех пор, пока его не заставляют исполнять арию Каварадосси под куполом цирка. А Гиршфельд никаких условий не ставил и этим был мил сердцу Александровича, истосковавшемуся по большой аудитории. Новый знакомый был скор на дела. Он не тратил время на дежурные комплименты и с места в карьер объявил, что предлагает ему ангажементы в Америке и Канаде в любое удобное для певца время, что жить он может по своему выбору — в его семье («...только в моем доме ты сможешь почувствовать, что такое демократия») или в его отеле.

Остаток вечера два крошечных человека провели в самозабвенном фольклорном состязании. Эйб, помимо прочего, хватался репутацией непревзойденного собирателя и рассказчика анекдотов. Газетчики, разумеется, со слов Эйба, уверяли, что в его повседневном обиходе их насчитывалось 10 тысяч. Их столик ходил ходуном. При каждом накотившемся пароксизме смеха они едва успевали подхватывать падающие бокалы, промахивались мимо бифштексов и неверной рукой утирали салфетками слезы. Тот, кто наблюдал за ними со стороны, ни за что не поверил бы, что эти два человека еще сегодня утром не подозревали о существовании друг друга, что их не связывает ничего, кроме уморительных анекдотов и случайной встречи в Божьем храме.

На пути к пятой карьере

В одном Гиршфельд слово сдержал: турне было подготовлено быстро. В первых числах ноября Александровичи приехали в Нью-Йорк. Решили не злоупотреблять гостеприимством Гиршфельда и предпочли его хоромам отель в Манхэттене. Гиршфельды устроили дома прием, потчевали документально-фантастическим фильмом о том, как Эйб разбогател. Его жена, красавица Ципора, учила Раю рачительному ведению хозяйства. Она на стоятельно советовала покупать зеленый горошек не по одной банке, а оптом.

К приезду израильского кантора-лауреата Сталинской премии культурную общественность восточного побережья успели подготовить. За несколько недель американские газеты, бюллетени конгрегаций, пресс-релизы начали публиковать статьи и анонсы о предстоящих гастролях вырвавшегося на свободу «русского чуда». Легендарный американский артист и певец Теодор Бикель, президент профсоюза американских артистов, публикует обращение к Александровичу, в котором пишет: «Я счастлив приветствовать вас в нашей стране и надеюсь, что редкое и прекрасное дарование вашего вокального совершенства будет здесь и дальше расцветать в атмосфере свободы... Мы уверены, что ваш исключительный артистизм станет источником вдохновения для артистов и всех людей в лучших традициях американской мечты».

Чтобы «разогреть» прессу и дать возможность Мише выкнуть к американской аудитории, Эйб предусмотрительно подготовил три концерта в Канаде под патронажем израильского посла Теодора Мерона, подключив к их организации жившего в Монреале брата. Расчет себя оправдал, хотя оберегать Александровича надо было не от публики (с ней он повсюду находил общий язык), а от партнеров. Первое же выступление — в монреальском «Théâtre Maisonneuve» 26 ноября — принесло Мише огорчение. Пианист Джейкоб Барас, который должен был ему аккомпанировать, угодил на операционный стол, и его заменил неопытный концертмейстер Джозеф Мило. Молодой музыкант, при всей его вдумчивости и старании угодить, сделал все, что только мог, для провала концерта. Его игра только отвлекала слушателей от цельного восприятия происходящего на сцене. К счастью, ему это не удалось. Наутро канадская «The Gazette»

вышла с заголовком «Незабываемый концерт советского теноракантора». Музыкальный критик Джейкоб Зискинд писал:

«Его вкус настолько безупречен, а его музыкальная фразировка настолько отточена, что вам сразу вспоминаются такие певцы, как Рихард Таубер и Джон Маккормак. Они тоже могли взять обычную народную песню и сделать ее более значимой и глубокой, чем самые лучшие авторские песни в другом исполнении.

Однако живейшую реакцию публики вызвали канторальные элементы этих песен. Александрович поет с такой внутренней эмоциональностью, которая передается даже самым толстокожим слушателям. Вчера в зале были женщины, которые не закрывали рот почти все время. Но когда зазвучали чисто литургические фрагменты песен, даже они умолкли... Его способность коммуницировать с аудиторией, как на интеллектуальном, так и на эмоциональном уровне, просто уникальна».¹⁸

Два концерта в Торонто — 2 и 3 декабря не принесли моральной компенсации, ибо Мило был заангажирован на все три вечера. Вернувшись в Нью-Йорк, Александрович с облегчением вздохнул, узнав, что Барас поправляется и готов приступить к репетициям. Их выступление несколькими днями позже в «Вечере звезд» в нью-йоркском «Madison Square Garden» вызвало стоячие овации 15-тысячной аудитории. Сбылась мечта старого Давида — показать мальчика в Америке. «Мальчик» покорила Америку, хоть и с опозданием на каких-то 50 лет, но зато навсегда.

¹⁸ „The Gazette”, Монреаль, 27 ноября, 1972 г.

Тенор Метрополитен Опера Ян Пирс и певец и актер Теодор Бикель (справа) приветствуют Александровича после концерта в Madison Square Garden

Главному событию — сольному концерту в «Town Hall», назначенному на 14 декабря, Эйб отдал весь пыл менеджерской души. Концерт был объявлен под патронажем Постоянного представителя Израиля при ООН Йосефа Текоа, который в свое время привлек дипломатическую артиллерию для освобождения Александровичей из советской клетки. Критика отозвалась на этот концерт с осторожным энтузиазмом. Первой откликнулась на это событие в культурной жизни США «Нью-Йорк Таймс» статьей Питера Дэйвиса «Американский дебют бывшего советского тенора». «Г-н Александрович приехал к нам довольно поздно (ему 57 лет), но его художественное дарование в полной сохранности... Его легкий лирический тенор сочетает в себе сладкозвучие Тальявини со славянской проникновенностью Козловского. Как интерпретатор Александрович в высшей степени лапидарен, он оттачивает каждое свое произведение с максимальной утонченностью. Его легато и мецца-воче (серенада Эрнесто из «Дон Паскуале») поражает воображение. Стилизованная ньюансировка легких разговорных интонаций, присущих романсам Глинки, и затяжные канторские мелизмы, интегрированные в «Дос идише лид» Шолома Секунды, звучат с убедительной страстью.

Даже на этом этапе своей вокальной карьеры Александрович — выдающийся певец. Как жаль, что мы были лишены возможности слушать этот голос в его зените»¹⁹.

Точность рождает выразительность, а выразительность — лозунг, любимое дитя пропаганды. И вот оброненная вчера удачная метафора вытаскивается в заголовки, повторяется в интервью, живет собственной жизнью. Запоздалое открытие феномена Александровича с легкой руки Питера Дэйвиса определило общий тон критики, с которой столкнулся артист после появления на американской сцене. Первые слова этой публикации на протяжении вот уже сорока лет остаются самыми цитируемыми: «Миша Александрович — один из наиболее охраняемых культурных секретов России!»

¹⁹ Peter Davis. „*Ex-Soviet Tenor Gives U. S. Debut*“, The New York Times, 16 December 1972.

«Зачем не быть коню в сенате?..»

По мере роста других амбиций «честняги Эйба», его страсть к искусству стала затухать. Обещанные 50 тыс. долларов обернулись пятью. В гениальной многоэтажной голове короля гаражей стали роиться другие планы, один честолюбивей другого. И как это он раньше не сообразил: только политика может удержать его в лучах юпитеров. Связи с демократической партией сохранились еще с 60-х годов, а начались с игры в гольф в престижном клубе, где состоял членом Роберт Кеннеди. Во время игры Гиршфельд прокомментировал несколько слабых ударов партнера библейскими притчами.

— Вы, наверно, раввин? — улыбнулся Боб Кеннеди. — Нам еще никогда не доводилось играть с раввином.

— Нет, просто, кроме Библии, я ничего не читал...

...Спустя несколько дней Кеннеди вдруг позвонил Эйбу...

— Я говорил о вас с разными людьми. Все сходятся на том, что вы не только динамичный и честный малый, но и весьма искусны в сборе средств. Вы умеете хранить секреты?

— Умею и обещаю.

— Я всерьез думаю в будущем году выставить свою кандидатуру на президентских выборах. Согласны ли вы мне помочь, если я попрошу вас заняться финансами в штате Нью-Йорк?..

...Тогда в 1967-м Гиршфельд на большее и не рассчитывал. Но не боги горшки обжигают, и в 1974 и 2004 году он даже выставит свою кандидатуру на выборах в Сенат в качестве независимого кандидата от штата Нью-Йорк. Последняя попытка принесет ему неполный 1% голосов избирателей. Его соперником была Хилари Клинтон.

Так или иначе, но «честняга Эйб» отстранился от вокала, предложив Александровичу бескорыстную дружбу. А его место занял Гарри Уокер, глава международного агентства с офисом в «Эмпайер Стэйт Билдинг».

Когда в 1946 году появилась менеджерская компания «Harry Walker, Inc.», у ее основателя практически не было конкуренции. Его идея была проста и амбициозна: прибрать к рукам общественно-политический рынок идей, создав лекторскую индустрию с участием бывших глав государств и правительств, нобелевских лауреатов, ведущих экономистов и менеджеров транса

циональных корпораций, выдающихся ученых, знаковых фигур в журналистике, олимпийских чемпионов и артистов серьезных жанров. Сегодня гонорары агентства Harry Walker достигают \$ 250.000 за выступление.

Американская весна

Нью-йоркская весна 1973 года прошла под знаком «серебряного юбилея» государства Израиль, 30-й годовщины восстания в Варшавском гетто и защиты прав советских евреев на свободный выезд. Десятки торжественных мероприятий, парадов и мемориальных церемоний прошли на государственном, муниципальном и общинных уровнях. В Тель-Авиве вернувшегося после американского дебюта певца уже ждали приглашения к участию в важнейших нью-йоркских церемониях. Второе турне продлится около двух месяцев и принесет новый венок признания и новый виток ангажементов на американском континенте. Утром 29 апреля духовный лидер крупнейшей в мире конгрегации «Храм Эману-Эль» на углу Пятой авеню и 65 улицы, реверент д-р Натан Перельман открыл церемонию, на которую собрались 10 тысяч человек. Почетные гости — сенатор Джейкоб Джавитс, мэр Джон Линдсей, писатель Эли Визель и певец Михаил Александрович. Президент Никсон официальным указом объявил 29 апреля Днем Варшавского Гетто. Во всех синагогах и христианских храмах метрополии прошли в этот день поминальные службы в память героев Катастрофы и 6 миллионов еврейских жизней, загубленных нацистами. Церемония в «Храме Эману-Эль» транслировалась через громкоговорители для тех, кто заполнил близлежащие улицы.

«Мы должны помнить, что они жили без какой-либо помощи извне, — сказал в своем выступлении Эли Визель, бывший узник Освенцима и будущий Нобелевский лауреат. — Они в одиночку боролись, в одиночку страдали. В одиночку. Вот ключевое слово — абсолютно одни. Мы вспоминаем о них с такой гордостью... Но эта гордость наполнена грустью и смешана с чувством стыда. Это мы допустили их гибель. Мы позволили им шагать в одиночку, сражаться в одиночку». На протяжении всей церемонии людьми в зале владело оцепенение. Гробовое безмолвие казалось неестественным. И лишь когда зазвучал голос Михаила Александровича,

вознесшего поминальную молитву «Эль молей рахамим», оглушающая тишина вдруг раскололась, и зал наполнился бесконтрольными рыданиями, которые люди не могли унять и во время исполнения им песен гетто. Этот эффект был отмечен наутро газетой «Нью-Йорк Таймс» и президентом Организации сопротивления Варшавского гетто (WAGRO) Бенджамином Мидом, который в своем благодарственном письме от 11 мая писал: «Я уверен, что это важное событие надолго запомнят те 10 тысяч человек, которые пришли, чтобы отдать должное памяти наших праведников, и сотни тысяч тех, кто находился в тот момент у радиоприемников и телевизоров. Ваш волшебный голос звучал восхитительно, он оказал немыслимое воздействие на присутствовавших...».

Трагическое и радостное в еврейской истории и характере всегда шли бок о бок. «Йом ашоа» — День памяти жертв и героев Катастрофы, растянувшийся в Нью-Йорке чуть ли не на неделю, плавно перешел в торжества, по случаю 25-й годовщины рождения еврейского государства. Праздничные мероприятия, объединенные девизом «Нью-Йорк салютует Израилю», длились до середины июня. Особые праздничные программы и церемонии во всех синагогах и еврейских организациях большого Нью-Йорка, выставки, концерты, кинофестивали, книжная ярмарка, конкурсы, торжественный обеды завершили 10 июня невиданным в истории города красочным парадом, в котором участвовали около 100 тыс. человек. Но официальное начало празднеств положила 2 мая торжественная церемония «на вольном воздухе» — на Муниципальной площади (City Hall Plaza) при участии мэра Джона Линдсея. Музыкальная часть была вверена Александру Дровичу с детским хором «Рамаз».

Муниципальная площадь Нью-Йорка (City Hall Plaza) во время празднования 25 годовщины государства Израиль. У микрофона М. Александрович

6 мая Александрович поет в Филармоническом зале Центра им. Линкольна. В гала-концерте, который открыл посол Израиля в США Симха Диниц, участвуют побившие все рекорды популярности сестры Бэрри. 9 мая — выступление в Town Hall, где полгода назад состоялся американский дебют артиста.

Единодушное признание канторского искусства Александровича со стороны американских коллег тоже не заставило себя ждать. В эти дни в отеле Гроссингерс проходил 26 ежегодный конвент Американской канторской ассамблеи. Делегатам представили «русского кантора». Петь перед аудиторией, состоящей из 500 профессиональных канторов Александровичу еще не приходилось. Один из присутствовавших в зале журналистов напишет: «Маленький, компактный человечек, держится степенно, но абсолютно раскрепощенно... «В зале не было ни одной пары сухих глаз», — сказал мне молодой кантор из Спринг Вэлли Ларри Йо зефовиц. — Александрович — это *певец для певцов*, и если в этом мнении сошлись канторы всех консервативных синагог Америки, то мне просто нечего добавить — ведь люди, собравшиеся на кон

вент, были далеко не дилетанты и в музыке, и в еврейских традициях». ²⁰

С участием Александровича прошла и особая субботняя служба в нью-йоркской конгрегации «Эмунат Исраэл», которая отмечала свое 125-летие.

А выступление 20 мая в консервативной синагоге Ривердэйла закрепило процесс формирования «своей» публики. Синагога, расположенная в западной части Бронкса между потоками Гуд зона и Гарлема, по сей день считается важной культурной институцией в русле консервативного иудаизма. Может, поэтому в 2000-м году в канун Судного дня террорист-палестинец Мазен Асси швырнет в окно здания коктейль Молотова. В 1973 г. синагога проводила 6-й ежегодный музыкальный фестиваль, который на этот раз открывался сольным концертом Александровича. Выступление анонсировалось как главное музыкальное событие года. Отныне программы всех крупных ежегодных музыкальных событий, проводимых еврейскими организациями Нью-Йорка, Бостона и других городов Америки, и культурных мероприятий, связанных с памятливыми датами, будут включать его имя...

²⁰ Peter Wynne. *Welcome to a Russian Tenor*, "The Record", New Jersey, 22 May 1973.

М. Александрович и мэр Нью-Йорка Джон Линдсей

после церемонии 2 мая 1973 г.

Л.: — Я хотел бы петь так, как вы.

А.: — А я хотел бы стать мэром Нью-Йорка.

...Так, еврейская среда становится тем оптическим волокном, которое позволяет преодолевать препятствия и перегородки и проводить яркий свет искусства Александровича в самые трудно доступные зоны американского общества, подобно тому, как выходцы из Ирландии были главным усилителем голоса его выдающегося предшественника — Джона Маккормака. Я уже не говорю о евреях русского происхождения. Русская культура, пребывавшая то в изгнании, то в послании, оказывала на них магическое воздействие, и они становились нередко более последовательными ее пропагандистами, чем сами русские. Это о них писал в свое время Сергей Есенин, которого в Америке «знают больше по имени, и то не американцы, а приехавшие в Америку евреи. По-видимому, евреи самые лучшие ценители искусства, потому ведь и в России, кроме еврейских девушек, никто нас не читал».²¹ Похожей экспрессией заканчивает свои польские воспоминания и Александр Вертинский: «Евреи... были моей главной аудиторией. Они раскупали билеты еще задолго до концерта. Все эти люди не довольствовались только моим пребыванием на эстраде, а шли за кулисы — посмотреть, пожать руку русскому артисту, вспомнить о России, как будто через это рукопожатие они соприкасались с ней. И у всех, у каждого было что вспомнить хорошего и светлого о моей родине».²² В 20-е годы, по свидетельству Нины Берберовой, «щедрое и доброе еврей» были главной опорой голодающей эмигрантской литературы — «русские эмигранты не интересовались русской литературой, они либо были слишком бедны, либо те, что имели средства, презирали всех этих Белых и Черных, Горьких и Сладких, и говорили, что воспитаны на Пушкине».²³ (Не это ли имела в виду Ахматова, когда говорила, что «большой поэт перегораживает течение поэзии, как плотина»?). Повсеместно обличаемые «патриотами» в жестоковейности и антипатриотизме, они не стремились истре

²¹ Сергей Есенин. Собрание сочинений в 5 тт. М., 1962. Письмо А. Б. Мариенгофу от 12 ноября 1922 г., т. 5, с. 170.

²² Александр Вертинский. Дорогой длиною... М., 1990, с. 166.

²³ Н. Берберова. Курсив мой. Нью-Йорк, 1983, т. 2, с. 469.

бить в себе культ ностальгии, встроенный в российское сознание историческим и культурным опытом. Когда в 1923 году тенор Сергей Радамский получал американское гражданство, судья спросил его, почему он так долго раздумывал и запросил гражданство, лишь прожив в Америке 13 лет. Певец ответил не без пафоса: «Тот, кто не любил свою русскую мать, не полюбит и американскую тещу».²⁴

Советская пропаганда и КГБ беззастенчиво инструментализовали эту манифестацию грусть-тоски по утраченному отечеству. В 1986 г. КГБ даже выпустил секретную инструкцию по вербовке зарубежных евреев...

...До окончания весеннего турне оставался месяц. Впереди еще дюжина выступлений, но энергичный Гарри Уокер уже при слал договор на следующий цикл концертов, которые должны начаться 3 ноября. Но еще до начала осеннего турне газеты публикуют анонсы на следующую весну. Многие рецензенты Александровича заканчивают свои отчеты словами сочувствия к тем, кто пропустил тот или иной концерт, и подсказывают где и когда они еще могут наверстать упущенное удовольствие, «неповторимое событие для души и слуха».

²⁴ Radamski S. *Der verfolgte Tenor: Mein Sangerleben zwischen Moskau und Hollywood*. Munchen, 1972, S. 133.

Илона Александрович
с кузеном певца Иссэром, прибывшим из Лондона

2 июня Александровичи всей семьей вернулись в душный Тель-Авив. Еще в конце мая Илона, работавшая в авиакомпании Эль-Аль, воспользовалась отпуском и причитавшимся ей бесплатным билетом, и присоединилась к родителям. От аэропорта Лод до улицы Маханаим, на границе восточного Тель-Авива и Гиватаима, езды не больше 20 минут. Встречавший их в аэропорту Борис Гуткин, всю дорогу бубнил о том, что самое время выкупить у «амидара» — государственной компании, распределявшей социальные квартиры между семьями репатриантов, — их жилье. Но Александрович размышлял о своем. Его востребованность и теплый прием в Америке заставляли задуматься о переезде «поближе к месту работы». Он даже стал меньше сокрушаться по поводу четвертого этажа без лифта, на который он легкомысленно согласился, когда министерство абсорбции предложило ему квартиру на Маханаим, 6. На его решение тогда повлияли лишь близость к Рамат-Гану и... «музыкальное» название улицы. Так, согласно Библии, назывался город левитов, на

месте которого вернувшемуся из Месопотамии Якову повстречались хоры ангелов.

И снова извечный вопрос: что петь?

Эмиграция из СССР — не житейский эксперимент, а осознанная необходимость. Отвоевывать место под солнцем, тем более под израильским, — удел молодых и деловых. Но зато у Александровича впервые в жизни появилась возможность уйти от диктата: самостоятельно составлять свои программы, следовать от начала и до конца своему вкусу и художественному чувству. Здесь-то и начались разочарования. Как король *хазанута* (на то он и король) Александрович быстро понял, что при всей нынешней творческой свободе, в концертных программах он не должен злоупотреблять этим жанром. Эстетическая функция *хазанута* в еврейском государстве — иная, нежели «на реках вавилонских». И для светского большинства и для религиозного меньшинства *хазанут* — часть синагогальной службы и принадлежит не концертным залам, а храму.

Не лучше обстояло на Земле обетованной и с еврейскими песнями. Еще в Москве Александрович был наслышан о снисходительном (в самом лучшем случае) отношении к языку идиш в еврейском государстве. На деле все оказалось куда драматичней. Как долго можно согреть сердца «родным» языком, который никто вокруг не понимает? Даже если твоя фамилия Александрович. Отдельные ревнителю *идишистской* культуры еще ломают копыя, объединившись в общества защиты. Но язык — не высколобый бутылконос и не амурский тигр. Спасти его от полного вымирания на одном голом энтузиазме, лишь прекратив отстрел, — утопия. Даже если воскресить сотни умерших или умерщвленных еврейских актеров и поэтов. Активных *идишистов* не убеждают разговоры о гитлеровском геноциде (две трети народа всё-таки уцелели) и сталинских репрессиях 1948—1953 гг. (погибли не более полтора десятка деятелей еврейской культуры). Иерусалимский композитор, музыковед, журналист и неутомимый популяризатор еврейской музыки Дмитрий Якиревич,

например, не находит оправдания и для израильских ненавистников еврейского языка и культуры и для сионистской концепции по отношению к идишу.²⁵ Их стараниями, целая культура, базировавшаяся на еврейском языке, подверглась делегитимации. В одном из писем Якиревич писал мне: «То, что Александрович уехал, не вызывает удивления. В Израиле не умеют распорядиться тем, что достаётся бесплатно, без малейших затрат. Примеров тому тьма. „Второй Михоэлс“ Моисей Гольдблат, приехавший примерно в одно время с Михаилом Александровичем, умер лет 15 тому назад в неизвестности. Или ещё: блестящий специалист в области оперетты, бывший завкафедрой и дирижёр Агранат, создал лет 10 тому назад Израильскую оперетту. Я присутствовал на презентации в Жерар Бахар. Это было просто чудо. Но дело закончилось... этой презентацией... Я вырос в среде, где идиш ещё продолжал худо-бедно функционировать. Во всяком случае, на бытовом уровне. Но по-русски этот язык никогда не назывался идишем: только еврейский язык, говорим по-еврейски, еврейская песня, еврейский театр (уже уничтоженный). И никаких чудовищных словообразований, не отмеченных ни в одном словаре: идишский, идишеязычный, идишеговорящий... Так и хочется добавить: идишеслышащий и идишедышащий...». Якиревич прав: даже большие музыканты и композиторы в Израиле оторваны от еврейских корней и видят предмет на уровне «идише-мам». Составители дисков и многие исполнители к месту и не к месту добавляют к названиям альбомов «песни *штетл*» или «песни исчезнувшего мира», подчеркивая реликтовый характер репертуара.

Не спасает положение и камерный репертуар — жанр повсеместно переживает упадок. Чего же ждать от маленького динамичного Израиля? Даже 30 концертов в год не прокормят артиста. Как тут было не вспомнить 1942 год, когда только в Ереване в течение одного месяца при переполненном зале филармонии прошел 21 сольный концерт Александровича!

Похоже, что и канторская служба — опора ненадежная. До окончания контракта остается полгода. Даже если его и продлят, жить придется в культурном вакууме. Но конгрегация уже давно

²⁵ Дмитрий Якиревич. «Еврейская певческая культура». В альманахе «Старина», «Lulu», 2005:

<http://www.jewniverse.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=692>

косо смотрит на «зарвавшегося» кантора, который молится в Израиле, зарабатывает в Америке, бреет бороду и, как утверждают «источники», ездит по субботам.

Картина вырисовывалась скверная.

Начиная с сентября, события развивались стремительно. Вопрос о переезде в Нью-Йорк можно было считать решенным, хотя формальные телодвижения в этом направлении Михаил Давидович оставил до гастролей, чтобы на месте получить юридические наставления. А пока можно сосредоточиться на текущих делах. Вездесущий Гуткин настоял, чтобы Александровичи воспользовались своими правами для получения репараций от ФРГ. В этот период еще действовали несколько послевоенных программ компенсаций евреям, пострадавшим от нацистов, и Александровичи без остатка вписывались в их критерии. Тысячи людей уже воспользовались этой возможностью и получили от Бонна денежные репарации за убитых нацистами родственников, за инвалидность вследствие заключения в концлагере, за утрату имущества и т.п. При определенных обстоятельствах, люди могли рассчитывать на облегченную процедуру получения вида на жительство в Германии, гражданства, пенсии, медицинских услуг и бесплатных курортов. Но Рая наотрез отказалась от всех этих благ. «Я не смогу пользоваться деньгами, заплаченными за людей, которых у меня отобрали», — сказала она. Миша не настаивал. Адвокаты недоуменно переглядывались: случай в их практике небывалый. Им куда понятней клиенты, которых в гитлеровщину и в помине еще не было, и с родственников ни один волосок не упал, а ручонки ладошкой вверх простирают, мол, пусть и нам платит немец противный, раз в наш садик повадился. Х.-Н. Бялик предвидел этот насилующий душу национальный позор, когда писал:

А завтра выйди к ним: осколки человека
Разбили лагеря у входа к богачам,
И, как разносчик свой выкрикивает хлам,
Так голосят они: «Смотрите, я — калека!
Мне разрубили лоб! Мне руку до кости!»
И жадно их глаза — глаза рабов побитых —
Устремлены туда, где руки этих сытых,
И молят: «Мать мою убили — заплати!»

Несколько лет спустя адвокаты уговорят их подать документы на программу, распространяемую на жертв нацизма, связанных с немецкой культурой и насильственно оторванных от этой культуры. Немецкий был для Раи родным языком — русским она овладела после эвакуации из Латвии. У Миши немецкий был активным, хоть и школьным, но его тоже признали вместе со стажем учебы и работы. Это обеспечило Александровичам до статочно высокую пенсию в дополнение к их американскому социальному страхованию и бесплатное медицинское обслуживание в Германии, где они поселятся в конце жизни.

В июле Илона сообщила родителям о своем решении выйти замуж. Это означало переезд в Мюнхен — к этому времени я принял предложение присоединиться к американской радиостанции «Свобода» и готовился к переезду в Германию. В тот момент мы планировали оставаться в Мюнхене пару лет, а затем вернуться в Израиль. Но жизнь распорядилась иначе, и мюнхенская командировка обернулась десятилетиями. Я вступил в должность в августе, а Илона последовала за мной в сентябре. Свадьба была назначена на 29 октября. Браки заключаются на небесах, но помехи чинятся на земле. Еще в прошлом месяце родители заказали билеты. Но случилось то, чего меньше всего ожидали. Александровичи пропали.

Суббота суббот

*Не пугайтесь, когда не на месте закат, —
Судный день — это сказки для старших...*
В. Высоцкий

*Включение сирены, близко расположенной
к органам слуха человека, может
привести к частичной потере слуха.
Из инструкции*

6 октября, Александрович в праздничном канторском облачении занимает *омэд* Большой синагоги Рамат-Гана. Из гудящего молельного зала то и дело доносятся незримые волны беспокойства, ломающие ритм древней молитвы. Старые люди отрывают

ся от *махзоров* и в недоумении косятся на двери, оттуда доносятся голоса, мешают сосредоточиться. Люди помоложе, пошептавшись с соседями, не снимая *талит*, покидают свои места и направляются все к той же двери. Во время паузы к кантору подошел раввин и тоже что-то ему шепнул. Кантор продолжает молиться, но чувствует, как над ним смыкаются «небесные врата».

Нечто подобное Александрович уже переживал. На перроне московского вокзала. 22 июня 1941 года. Только тогда окружавшие его люди молились другому богу. Привычный ход службы был бесповоротно нарушен — нет, не трубным гласом шофара, а режущим слух и душу воем сирены. Александрович довел до конца *мусаф* и лишь после этого повернулся к залу. Глазам своим не поверил — большая часть молящихся оставалась на местах. Только после второй сирены, объявив перерыв в молитве *неила*, грустно улыбнувшись, произнес: «*нэлэх лемиклат*» («пошли в бомбоубежище»). После отбоя улица преобразилась. Время от времени, попирая предписания Торы, по ней, форсируя мотор, пролетал грязный джип, унося на черном номерном знаке колесонопреклоненный «*цадек*»²⁶ с воздетыми к небу руками. Люди останавливали знакомых в надежде восполнить дефицит информации. По всему чувствовалось, что ничего утешительного по радио не услышишь. Дикторы старались не сбиться, произнося тайные заклинания мобилизационных паролей. Страна молилась. Молодежь по-деловому спешила в свою часть, подгоняемая отнюдь не пугающими плакатами с растрепанной родиной-матерью, с укором тычущей в нос текст военной присяги, а собственными матерями, привычными и к реву «скайхоков» и к вытью сирен. Даже жара и та сжалилась, спала, чтобы не утомлять резервистов. Началась одна из тех войн в истории Израиля, о которой можно сказать «пан или пропал».

Напрасно мы мучили в Мюнхене телефон. Связь с Израилем в первые дни войны была напрочь нарушена. На радио я сутками не отходил от телетайпа, отлавливая сообщения агентств до того, как они попадают в выпуски новостей. Вчитывался между строк, между словами, между буквами, слева направо и наоборот. Ссылки на израильские или другие мало-мальски объектив

²⁶ 18-я буква еврейского алфавита и первая буква аббревиатуры ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля). — **з**.

ные источники были ничтожны, зато арабские громыхали победной медью: «Синай отвоеван», «Голаны возвращены», не сего дня — завтра сирийский парад в Тель-Авиве. От Александровичей — по-прежнему ни звука. Эль-Аль отказывается давать справки. С трудом дозвонились в израильское посольство в Бонне, чтобы зарегистрироваться для мобилизации. Там записали наши имена и номера военных билетов: «У нас нет достаточно транспорта для отправки резервистов, поэтому ждите, когда по надобитесь, позвоним». Не позвонили. Не понадобились.

На пятый день у Илоны сдали нервы. Предлагаю уехать на два дня в Австрию, в горы, чтобы «сменить мизансцену перед глазами». Вернулись вечером 13 октября. Возле квартиры, разместившись на ступеньках, отдыхают дорогие гости — наши матери, насмерть перепуганные событиями минувшей недели. В военной неразберихе им предложили прибыть с вещами в аэропорт, не дожидаясь указанной в билете даты, и улететь с ближайшей оказией, поскольку отправки в срок гарантировать никто не мог. Отлегло. Одним источником беспокойства стало меньше. Александрович задерживался. Он должен петь в синагоге до конца месяца. Председатель конгрегации, человек по прозвищу Мойше-дер фляйшер (он был владельцем сети мясных лавок в Рамат-Гане), уже прислал Мише письмо, извещающее о том, что синагога воздерживается от продления контракта. Александрович с облегчением вздохнул — теперь появилась полная ясность в его планах. В Мюнхен он прилетел 28 октября, за день до свадьбы и за пять дней до начала американских гастролей.

Известие о том, что сам Александрович будет петь в мюнхенской синагоге на ул. Райхенбах, 27 на свадьбе дочери, быстро распространилось среди русских евреев города и, к нашей радости, привлекло много незваных гостей. «Зваными» мы еще не успели обзавестись. Зато седобородый раввин Ганс Исаак Грюнневальд большого восторга по поводу того, что молодожены явятся со «своим кантором» не выказал: «вы же не приходите в ресторан со своим бифштексом».

Осень 1973 года была распутившимся бутонем в германско-еврейских отношениях, заботливо ухоженным канцлером Брандтом. Трагедия не может длиться до бесконечности. Европейцы еще не оправались от шока после олимпийского кровопролития в Мюнхене. Чувство солидарности с Израилем было неподдель

ным. Немецкие, австрийские и итальянские пограничники возвращая владельцу израильский паспорт, отдавали честь, и находили слова братской поддержки. Эта поддержка иногда принимала причудливые формы. Однажды нам позвонил знакомый страховой агент Берндт Х. и предложил встретиться «по важному вопросу». Берндт заключил договор с некой туристической фирмой, которая посылала его на длительный срок в Египет, и просил помочь ему установить контакт с... израильской разведкой. «Если израильтяне хотят иметь в Каире надежного человека, — доверительно объяснил он, — то они могут на меня рассчитывать, даже если мне придется работать для них бесплатно. Я хочу, чтобы они не думали, что все немцы — нацисты». Наивно, но трогательно. Не покидало в те дни ощущение, что немцы обрadowались новой возможности для полюбившегося занятия — массового экзорсизма. Кроме того, еще действовали ограничения, вызванные арабским эмбарго на нефть, что отнюдь не добавляло симпатий к врагам Израиля.

Для свадебного ужина был снят зал в швейцарском ресторане «Шале суисс» в помещении «Виллы Штука», некогда не слишком скромного по своему убранству жилища знаменитого мэтра. Кроме родни, несколько ближайших друзей-коллег по «радио цеху» — Юлиан и Люда Паничи, с которыми Александровичи сдружились на годы, Виктор и Аля Федосеевы, Галина Рудник и «старый мюнхенец», режиссер Анатолий Васильевич Скаковский, «типичный представитель» второй эмиграции. Русский Мюнхен уже тогда лепился к американской радиостанции, которая признавалась авторитетной институцией, а на выплачиваемые ею гонорары даже можно было жить.

На следующий день Александровичи улетели в Нью-Йорк.

Общий враг сближает, но не всех

На этот раз запланированное турне захватывало несколько штатов — Нью Джерси, Нью-Йорк (Центр им. Линкольна), Мичиган, Иллинойс, Массачусетс и Коннектикут, не считая ряда важных музыкальных событий, проведенных еврейскими организациями в районе Нью-Йорка. Особенно повезло жителям университетского городка Бруквилль на Лонг Айленде, где состо

ялось первое выступление певца. А началось оно с международного скандала.

Когда четыре месяца назад Гарри Уокер включал Бруквилль в ноябрьский план гастролей, местом концерта был предложен сравнительно небольшой зал колледжа при Университете им. С. У. Поста на 1200 мест. В эти же дни в крупнейшем концертном зале города, вмещавшем около 2 с половиной тысяч человек — тоже на территории университета — должен был состояться концерт Ленинградского симфонического оркестра. Но не состоялся. После нападения 6 октября Египта и Сирии на Израиль в Бруквилле, как и в сотнях других городов Америки, прошли многотысячные митинги протеста против подстрекательской внешней политики СССР и его массивной военной помощи агрессорам. Управление по культурному развитию Нассау, спонсор выступления ленинградских музыкантов, поддержало участников протестов и отменило концерт. Было объявлено, что концертный зал передается для сольного концерта Михаилу Александровичу, израильянину и недавнему иммигранту из Советского Союза. Культурная общественность Лонг Айленда, в том числе и слушатели, купившие билеты на симфонический концерт, признали замену адекватной и уместной и валом повалили на выступление неизвестного им тенора. Поскольку концерт Александровича был изначально объявлен в рамках мероприятий по защите советских евреев, после выступления восторженные слушатели по жертвовали более \$ 6000 на помощь отказникам.

Пресса отметила, что небывалый энтузиазм, незатухающие овации и бисы, которыми принимали Александровича, доказали, что выбор организаторов был идеальным.²⁷

В этом контексте легко понять и то неистовство, с которым вскоре обрушится на артиста советская пресса, обвиняя «кантора-гастролера» в злобном антисоветизме, политической заангажированности и даже в финансировании (!) «фашиствующей Лиги защиты евреев». Едва ступив в 1972 году на американскую землю Александрович первым делом встретился с Солом Юром, чтобы высказать слова сочувствия и возмущения в связи со взрывом бомбы в его офисе незадолго до этого. Бомба, подбро-

²⁷ Ned Steele. *Soviet Tenor Returns to First Love*, "Long Island Press", 5 November 1973.

шенная боевиками Лиги в знак протеста против культурного со трудничества Юрока с СССР, вызвала человеческие жертвы. Сам Юрок был ранен и госпитализирован. В своих интервью певец не раз резко высказывался об активности экстремистов.

Успеху концерта способствовал и состав участников — леген да на легенде. Музыкальное сопровождение — популярнейший в 60—70 годы еврейский оркестр братьев Эпштейн под управле нием 80-летнего Шолома Секунды. Несколько десятилетий «Кол Нидрей» и «Дос идише лид» этого необыкновенного еврейского композитора украшает репертуар Александровича. Но это было первое исполнение песни при участии автора. И, к сожалению, последнее: через два месяца Шолома Секунды не стало.

Южный пригород Чикаго Скоуки, куда прибыл гастролер 11 ноября, если верить путеводителям, был примечателен тем, что каждый шестой его житель-еврей пережил Холокост. Может быть, это и определило выбор декорированных гитлеровской атрибутикой американских неонацистов, которые вознамери лись в 76 году провести свой марш именно в этом городке. А мо жет, сказался парадоксальный факт: доморощенный фюрер нео нацистской партии Фрэнк Коллин сам был сыном еврея, пере жившего концлагерь. Местные власти решительно отказали им. И вот здесь случилось то, чего никто не ожидал. Радикалы пода ли иск в суд при поддержке Американского союза защиты гра жданских свобод (ACLU) и... выиграли. Неблагодарную роль су дебной защиты неонацистов взяли на себя адвокаты-евреи. Я сле дил за ходом этой полемики и чувствовал, что некий очень важ ный компонент моих представлений о либеральных ценностях подвергается испытанию. Что же получается, если сегодня отка зать неонацистам в праве выражать свои настроения и выходить на демонстрацию, то завтра на тех же основаниях объектом запрета может стать кто угодно. И в этой щекотливой ситуации войну слепому предубеждению объявили сами евреи. Над скоук скими парадоксами до сих пор ломают голову американские ис торики и правоведа...

...Но 11 ноября 1973 года, когда Александрович появился перед скоукскими любителями музыки, до этих тревог было еще далеко, и душевный покой местной публики был приведен в смятение исключительно волнующими звуками русских роман сов и еврейских песен: из 70 тысяч жителей города 40 тысяч со

ставляли евреи, значительная часть которых в свое время бежала из Восточной Европы. Концерт прошел в эмоционально приподнятой атмосфере, люди подходили к артисту с воспоминаниями о его довоенных и даже детских выступлениях.

В эти дни родился и первый американский диск. Концерт «Cantica Hebraica» 6 декабря в нью-йоркском Центре им. Линкольна с хором и камерным оркестром был записан и в считанные недели выпущен отдельной пластинкой.

Центральное же событие осенних гастролей, во многом определившее успех Александровича на все последующие годы, — престижный «Еврейский музыкальный форум» Новой Англии. 16-й сезон форума, составленный из четырех отдельных концертов, открылся 12 ноября сольным выступлением «русско-еврейского» тенора в зале им. Джона Хэнкока в Бостоне. Первые статьи о предстоящем концерте появились еще 1 ноября в нескольких региональных газетах. Авторы публикаций, едва ли слышавшие певца «живьем», естественно, опирались на впечатляющие детали его биографии. Пока он не запел...

«После затяжного легато в «Pieta, Signore» Страделлы сразу стало ясно, что мы присутствуем не на обычном концерте. Элегантная фразировка, изящные трели, подвижная динамика при полном отсутствии дешевых приемов, рыданий и других сентиментальных трюков — все это признаки мастерской обработки произведений, включенных в программу, исполненную на пяти языках и со множеством стилей». — Напишет об этом концерте критик Мартин Роббинс. — «А чего стоила ария «Il mio tesoro» из «Дон Жуана» Моцарта, этот извечный тест для теноров! Динамичность, превосходное интонирование и безукоризненное дыхание, с которыми она была исполнена, — лучше всего объясняли широкую улыбку, которая появилась на лице артиста, когда он закончил петь»²⁸.

Еврейские песни были разбиты на две группы и разведены по двум отделениям концерта. Первая — объединила пять лирических зарисовок из народной жизни: «Лег дайн коп ойф майнэ кни» и «Дрей ингелах» Л. Бирнова, «Мойшелэ, майн фрайнт» и

²⁸ Martin Robbins. *Jewish Music Forum Hears Alexandrovich*, "The Jewish Advocate", Boston, 22 November 1973.

«Дрэй тэхтэр» М. Гебиртига и «Мехутоним» С. Файнтуха²⁹. Смех и слезы в зале не успевали сменять друг друга. Все, как в жизни. Вторая — песни о мире: «Ерушалаим», «Ло тейда милхама», «А лиделе ойф идиш» и др. Именно на этих песнях энтузиазм зала достиг своего апогея. Эмоционально насыщенная «Дос иди ше лид» Шолома Секунды с элементами самых известных молитв «Хинейни», «Кол Нидрей» и «Сису весимху» буквально всколыхнула зал, а последняя фраза «Ло тейда милхама» потонула в овациях.

В литургических композициях «Брих шмей» и «Хатей Эло кай Ознэха» («Обрати ко мне Твой слух») динамика и артистический темперамент были вплетены в ткань молитвы так же изысканно и равномерно, как серебрянные нити на его синей бархатной ермолке.

Перед третьим бисом Александрович философски констатировал: «singing is better, than weeping» («лучше петь, чем плакать»).

Президент Форума, кантор бостонского храма «Охавэй Шалом» уроженец Бруклина Алекс Циммер (1922—1995) после концерта притащил в артистическую бутылку шампанского со словами: «Я читал твою биографию и знаю, что во время войны ты пел на советских военных кораблях. А я в это же время был пилотом бомбардировщика в наших ВВС. Канторскому пению я учился в воздухе. То, что я сегодня пережил, можно сравнить только со встречей на Эльбе. Давай выпьем за нашу Эльбу!». А в благодарственном письме менеджеру артиста Циммер писал: «Дорогой Гарри!.. Кантор Александрович — превосходный музыкант, безупречный певец и одна из самых теплых и харизматических личностей, которые мне за всю жизнь посчастливилось встретить и услышать. За все 16 лет существования «Еврейского музыкального форума» Новой Англии мы ни разу не встречали артиста, который умел бы так пленить и удовлетворить публику. Она удостоила его 5-минутными стоячими овациями, и если бы хватило сил, мы бы продержали его в зале всю ночь. Редкая, не повторимая личность и добрая *нэшумэ* (душа — *идиш*)».

²⁹ По некоторым источникам, автор — Марк Варшавский. В программах Александровича часто указывается в качестве автора композитор Лев Коган, которому принадлежит обработка музыки.

Правда, и на этот раз артисту пришлось преодолеть трудности, от него не зависящие. Его аккомпаниатору Джеку Барасу достался маленький, изрядно потрепанный и расстроенный инструмент, а самому певцу — плохо отрегулированный микрофон, который то и дело огрублял нежные лирические звуки. Несмотря на эти помехи (а может, и благодаря им) одна из самых влиятельных американских газет «Boston Globe» вышла с заголовком: «Концерт Александровича доказал, что великие певцы еще существуют».